

СТАЛИН И «КУРСКО-ОРЛОВСКИЙ ДИАЛЕКТ»: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЗАГАДКИ

Л. И. Куликов

Аннотация: В статье кратко обрисован историко-культурный контекст, в котором проходила лингвистическая дискуссия 1950 г., и описывается реакция академического сообщества на это (несомненно неверное) утверждение, по большей части сводившаяся к ритуальным цитатам из Сталина в советской русистике и диалектологии 50-х гг. Обсуждаются предложенные объяснения тезиса о «курско-орловском диалекте», в частности, гипотеза Ю. М. Лотмана о влиянии высказываний Максима Горького относительно происхождения классической русской литературы, а также несколько более спекулятивных предположений. Продемонстрирован неудовлетворительный характер всех ранее предложенных объяснений и выдвигается новая гипотеза, которая обращает внимание на возможное влияние работы Ф. Энгельса «Франкский диалект».

Ключевые слова: Сталин, языкознание, марксизм, русистика, диалектология, Энгельс, немецкий язык.

В берег били громкие прибой,
Облако поднялось над волною
И потом ветра его носили
Высоко над сумрачной Россией.
[...]
Пролетело облако за горы,
И остановилось вдруг над Гори.
А. Андреев, «Энгельс»¹

2 августа 1950 г., в самом конце так называемой дискуссии о марксизме в языкознании, на страницах газеты «Правда» было опубликовано небольшой текст за подписью И. В. Сталина, в котором содержалось следующее высказывание:

«Диалекты местные (“территориальные”) ... обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоя-

© Куликов Л. И., 2022.

¹ Из стихотворения Александра Андреева, написанного, по-видимому, в 40-е гг., но не позднее 1948 г. (опубликовано в сборнике «Молодой Ленинград»: Андреев А. Энгельс // Молодой Ленинград / под ред. А. Прокофьева. Сб. 1. Л., 1948. С. 13–14). Стихотворение «инспирировано», в частности, предсмертной волей Ф. Энгельса, просившего развеять его прах над морем.

тельные национальные языки. Так было, например, с **Курско-орловским диалектом** (Курско-орловская “речь”) **русского языка, который лег в основу русского национального языка** (выделено мной. — Л. К.).

Это утверждение, не сопровождавшееся какой-либо аргументацией, стало полнейшей неожиданностью для русистов и диалектологов и потрясло все мировое (но в особенности советское) сообщество славистов.

Прежде чем говорить о том, откуда взялся «курско-орловский диалект», необходимо хотя бы вкратце напомнить тот историко-культурный и академический контекст, в котором происходила дискуссия о языкознании². Для этого надо перенестись на 85 лет назад — в 1864/1865 — год рождения Николая Яковлевича Марра, сына шотландца Джекоба Марра и грузинки Агафии Магулари, которая была моложе его примерно на 45 лет. Ребенок, родившийся в семье, где отец не говорил по-грузински, а мать — по-французски (основной язык отца Марра), был просто обречен стать полиглотом: к родному грузинскому и почти родному русскому добавились вскоре школьные языки — основные европейские и классические; в Петербургском университете Марр записался сразу на четыре специализации, а круг его языков включал семитские и другие языки Ближнего Востока, персидский и турецкий, армянский, санскрит и ряд других. Став уникальным полиглотом, Марр, однако, не прошел ни одного курса по общему и историческому языкознанию — ситуация довольно обычная для восточных факультетов и специальностей того времени.

Блестящее востоковедческое образование позволило Марру внести весомый вклад в армянскую и грузинскую филологию, а также в армянскую археологию. Но на этом Марр не остановился: он был поглощен маниакальной страстью отыскивать связи между никогда прежде не сопоставлявшимися языками. В 1909 г. в его трудах появляется термин «яфетический», который впоследствии стал знаменем марровского «нового учения о языке», фактически возродившего старую, восходящую еще к Средневековью идею о происхождении всех языков Старого света из наречий, на которых говорили потомки трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Концепцию классического родословного древа и происхождения родственных языков из праязыка Марр заменяет теорией скрещивания языков и происхождения всего лексического состава всех языков из четырех первоэлементов — САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ.

Нет необходимости говорить, что среди индоевропейцев идеи Марра не встретили сочувствия; в частности, А. Мейе, лично встречавшийся с Марром, был в ужасе от его теорий. Марр отвечал им взаимностью.

²Здесь, разумеется, нет необходимости подробно описывать предысторию и общий контекст этого эпизода из истории советского языкознания — об этом увлекательно рассказано в замечательной книге В. М. Алпатова «История одного мифа. Марр и марризм». М., 1991; 2004, а также в его статьях: Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271–288; Он же. Относительно марксизма в языкознании // *Культура и искусство*. 2011. № 4. С. 53–65; Он же. «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина: ответы на письма читателей // *Культура и искусство*. 2011. № 5. С. 48–53; Он же. Сталин о языкознании: причины и последствия его выступления 1950 года // *Культура и искусство*. 2011. № 6. С. 41–46.

В России, а затем в Советском Союзе ситуация складывалась иначе. В первые десятилетия XX в. и, в особенности, после революции карьера Марра быстро пошла в гору. Еще в 1911 г. Марр стал деканом восточного факультета Петербургского университета, а в 1912 г. был избран действительным членом Российской Академии наук. В 1921 г. Марр основал в Петрограде Яфетический институт (впоследствии Институт языка и мысли, а затем Ленинградский филиал Института языкознания, ныне Институт лингвистических исследований)³; в 1930 г. он стал вице-президентом Академии наук СССР. Стремительный подъем яфетидологии ознаменовал тяжелые времена для советского языкознания. Ряд блестящих лингвистов, таких как Е. Д. Поливанов и А. М. Селищев, стали жертвами репрессий. Справедливости ради надо отметить, что в этих событиях был повинен не столько Марр, сколько его апологеты, такие как полуграмотные и не имевшие никакого отношения к языкознанию В. Б. Аптекарь и С. Н. Быковский. К 1950 г. атмосфера в языкознании накалилась, ситуация была схожа с тем, что произошло в 1948 г. в биологии.

Историю дискуссии принято отсчитывать с весны 1950 г., когда грузинский языковед А. С. Чикобава (1898–1985), заручившись поддержкой первого секретаря коммунистической партии Грузии К. Н. Чарквиани, был приглашен вместе с ним на дачу Сталина, где состоялась их беседа о ситуации в советском языкознании. В результате этой беседы возникла идея о проведении широкой дискуссии о языкознании, которую и открыла антимарристская статья А. С. Чикобава, напечатанная в «Правде» 9 мая 1950 г. Дискуссия была продолжена публикацией ряда как промарристских, так и антимарристских статей и фактически завершилась после публикации 20 июня статьи Сталина «Относительно марксизма в языкознании»⁴, расставившей все точки над *i* и в одночасье положившей конец двадцатилетнему господству марровского «нового учения о языке».

В этой статье речь пойдет лишь об одном кратком эпизоде дискуссии, выходящем за пределы собственно центральной статьи Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Если практически все написанное Сталиным по вопросам языка и языкознания и опубликованное в ходе дискуссии 1950 г. в общем и целом не вызывает серьезных возражения у специалистов, и автора можно упрекнуть разве что в тривиальности высказываемых суждений⁵, то процитированное в начале доклада утверждение о «курско-орловском диалекте», содержащееся в опубликованном 2 августа 1950 г. «[Ответе] Товарищу Санжееву»⁶ (первом

³ См. об этом также в разделе «Хроника» в этом выпуске: Обсуждение доклада Л. И. Куликова «Сталин и “курско-орловский диалект”: К истории одной лингвистической загадки» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2022. Вып. 72. С. 150.

⁴ Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 20 июня 1950.

⁵ Н. Хомский, например, охарактеризовал статью Сталина как «вполне разумную, но совершенно банальную» (“perfectly reasonable but quite inilluminating”, из письма японскому лингвисту Окубо Тадатоси, цит. по: Алпатов. Актуально ли учение Марра? С. 12). Здесь, однако, надо помнить о том идеологическом контексте, в котором проходила дискуссия, — многое из того, что кажется нам сегодня трюизмом, не было таковым в 1950 г.

⁶ Гарма Данцаранович Санжеев (1902–1982) — советский лингвист, филолог, крупный специалист по монгольским языкам и культуре.

из ответов на письма под общим заголовком «Ответ товарищам»⁷), находится в разительном контрасте с остальным содержанием сталинских текстов.

Совершенно неверное утверждение о «курско-орловском диалекте», взявшееся неизвестно откуда, вызвало недоумение среди славистов и лингвистов в целом и поставило в тупик русистов-диалектологов. Краткую заметку, хорошо отражающую настроения того времени, оставил в своих дневниках известный славист С. Б. Бернштейн⁸: «...Странные утверждения о курско-орловской основе русского литературного языка. Решительно для всех это новость. Не завидую нашим русистам».

Как и следовало ожидать, ритуальные ссылки на тезис Сталина о ведущей роли курско-орловского диалекта стали нормой в работах по русистике (и, до известной степени, по лингвистике в целом) первой половины 1950-х гг. Приведу несколько характерных цитат:

«...[в работе И. В. Сталина] дано прямое указание на курско-орловский диалект как основу русского национального языка»⁹;

«И. В. Сталин дал чрезвычайно ценные указания для разработки специально истории русского языка и истории других славянских языков. Основопологающим является указание И. В. Сталина на курско-орловский диалект как на основу русского национального языка ... Перед советскими лингвистами поставлена чрезвычайно важная задача — показать на конкретно-историческом языковом материале, как шло формирование русского национального языка»¹⁰;

«...именно говор Москвы, экономического, политического и культурного центра Русского государства, оказался в XIV—XV вв. определяющим в формировании норм, государственного языка русской народности. Однако в дальнейшем московский говор, по происхождению своему северный, оказавший, испытал сильное воздействие южнорусских, акающих говоров — курско-орловского диалекта, сыгравшего основополагающую роль в образовании русского национального языка, что выразилось в вытеснении многих северных черт в фонетике, морфологии, синтаксисе

⁷ Сталин И. В. Ответ товарищам // Правда. 2 августа 1950. Все написанное Сталиным в ходе дискуссии перепечатано в виде отдельной брошюры: Марксизм и вопросы языкознания. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950 (многократно переиздававшейся в первой половине 1950-х гг. и затем, уже в постсоветское время, в одном из дополнительных, 16-м, томе собрания сочинений: Сталин И. В. Сочинения. Т. 16 / под общ. ред. Р. И. Косолапова. М., 1997). Подробное обсуждение статьи Сталина и «ответов товарищам» см. в статьях: Алпатов. Относительно марксизма в языкознании; Он же. «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина: ответы на письма читателей.

⁸ Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В. Н. Топоров. М, 2002. С. 152.

⁹ Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2. С. 47. См. также: Он же. Вопросы развития языка и диалектов в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1951. С. 19 (Научно-популярная лекция).

¹⁰ Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 17–18 — из редакционной статьи, открывающей этот номер журнала (с которого, собственно, начался его выпуск) и написанной, вероятно, в основном В. В. Виноградовым.

и лексике московского говора южными. Этот процесс и определил характер и особенности русского национального языка, в основу которого, как указывает И. В. Сталин, лег курско-орловский диалект»¹¹; «...как уже видно из только что приведенного высказывания И. В. Сталина, при переходе от языка великорусской народности к русскому национальному языку имела место смена диалектной основы нашего общенародного языка. Если первоначально ведущую роль играл диалект Ростов-Суздальской области, то теперь ведущую роль приобретает курско-орловский диалект, который ложится в основу нашего национального языка»¹².

Упомяну также работу И. М. Ионенко¹³, где сделана попытка разработать тезис Сталина с позиции историка.

Простое упоминание этого «открытия» уже требовало определенного мужества. Однако, пожалуй, даже среди наиболее сервильных ученых никто не пошел так далеко, чтобы всерьез доказывать и разрабатывать тезис Сталина о курско-орловском диалекте. Исключение — и то лишь до известной степени — составляет, вероятно, только монография С. И. Коткова¹⁴. Об этом также находим краткую запись в дневниках С. Б. Бернштейна¹⁵: «Ловкач Котков уже пишет фундаментальный труд, в котором доказывает, что в основе русского литературного языка лежат курско-орловские говоры»¹⁶.

Ритуальное цитирование Сталина оставалось обязательным в течение нескольких последующих лет; впрочем, после смерти Сталина (1953 г.) внимательный читатель мог уловить некоторые изменения в характере этих цитат. Так, осторожный Ф. П. Филин¹⁷ в брошюре, опубликованной спустя год после смерти Сталина, упоминает ведущую роль курско-орловского диалекта, но сводит к минимуму ссылки на Сталина (по-видимому, «на всякий случай»), в частности, не упоминая его имени в связи с курско-орловским диалектом:

«С XVII в. ... на первое место выдвигается курско-орловский диалект (“курско-орловская речь”), который ложится в основу национально-

¹¹ Левин В. Д. Некоторые вопросы истории русского языка в связи с историей народа // Русский язык в школе. 1952. № 3.

¹² Кузнецов П. С. Русская диалектология: Учебник для учительских ин-тов. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. С. 17.

¹³ Ионенко И. М. Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 88–100.

¹⁴ Котков С. И. К изучению орловских говоров. Орел: Изд-во «Орловская правда», 1952. 192 с. (Уч. зап. Орловского пед. ин-та. Т. 7. Каф. рус. яз. Вып. 3).

¹⁵ Бернштейн. Указ. соч. С. 166.

¹⁶ Не следует, впрочем, принижать значение работ Коткова о курско-орловских говорах и целиком сводить их к апологетике Сталина (как это делает, в частности, в своих мемуарах А. А. Зимин (Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом) [Москва, 1976] // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 94); ср., например, уважительный отзыв О. Н. Трубачева о трудах Коткова (Трубачев О. И. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 207–208).

¹⁷ Не следует также забывать, что до дискуссии 1950 г. он выступал в качестве одного из главных апологетов марксизма.

го русского языка¹⁸. ... Выдающаяся роль курско-орловского диалекта в становлении национального русского языка, несомненно, была обусловлена определенными причинами»¹⁹.

Вскоре после развенчания культа личности на XX съезде КПСС упоминания курско-орловского диалекта как основы русского языка исчезают из литературы. Официально тезис о ведущей роли курско-орловского диалекта был отвергнут в статье, открывающей № 5 «Вопросов языкознания» за 1958 г., которая была озаглавлена «Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе русского общенародного языка» и написана, по-видимому, главным образом В. В. Виноградовым²⁰. В статье, в частности, читаем:

«...выдвинутое И. В. Сталиным в 1950 г. положение о том, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект, находилось в противоречии со сложившейся трактовкой вопроса и притом не сопровождалось обосновывающими его аргументами или ссылками на источники научно-исследовательского характера.

Не являлись значительными в научном отношении и также не были основаны на привлечении и исследовании новых материалов и те работы (преимущественно принадлежащие перу историков), которые посвящались разработке гипотезы о курско-орловском диалекте как основе русского национального языка»²¹.

Спустя несколько страниц авторы статьи подытоживают:

«Что же касается курско-орловского диалекта (точнее, курско-орловской группы говоров), являющегося составной частью южновеликорусского наречия, то данные лексики (правда, как указывалось выше, еще скудные и неудовлетворительные) ни в какой мере не позволяют утверждать, что именно этот диалект лег в основу русского национального языка. ... Современные курско-орловские говоры, насколько они нами изучены, по своему словарному составу нисколько не ближе к национальному языку, чем любые другие говоры русского языка»²².

Тот же номер «Вопросов языкознания» сообщает в разделе «Хроникальные заметки»:

«16 июня 1958 г. состоялось общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, на вечернем заседании которого был заслушан доклад заведующего Сектором современного литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР С. И. Ожегова “К вопросу о диалектной базе русского национального языка”.

¹⁸ Примечательно, что эта фраза, будучи почти точной цитатой из Сталина, не снабжена библиографической ссылкой.

¹⁹ Филин Ф. П. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение). С. 39, 43.

²⁰ В примечании указано, что «статья подготовлена Комиссией по изучению диалектной основы русского литературного языка при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР».

²¹ Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе русского общенародного языка // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 4.

²² Там же. С. 8–9.

В первой части своего доклада С. И. Ожегов подверг критике лингвистов и историков, пытавшихся обосновать гипотезу, согласно которой в основе русского национального языка лежит курско-орловский диалект. Докладчик, ссылавшийся на работы С. И. Коткова, Г. И. Коляды, С. М. Кардашевского, историков И. М. Ионенко и Г. И. Зикеева, указал на то, что гипотеза эта не могла получить научного обоснования, так как она не имеет почвы в реальном историческом процессе»²³.

Таким образом, 1958 г., очевидно, можно считать годом, когда «курско-орловская гипотеза» была окончательно похоронена. Постепенно «курско-орловский диалект» был забыт диалектологами, сохранив интерес лишь для историков лингвистики. В лингвистической историографии этот диалектологический экскурс Сталина остается, однако, едва ли не самым загадочным эпизодом дискуссии.

Было сделано несколько попыток объяснить происхождение тезиса о «курско-орловском диалекте». Так, в примечаниях к постсоветскому переизданию трудов Сталина по языкознанию, в 16-м томе собрания сочинений, мы находим туманную ссылку на неких «специалистов», на которых якобы лежит вина за изобретение «курско-орловского диалекта»: «Предполагают, что данное суждение было подсказано Сталину одним из консультировавших его специалистов. И хотя имена их известны, определить, кому принадлежит эта, по общему мнению, неправильная версия, пока не удалось»²⁴. Не вполне понятно, на кого намекает автор примечаний (очевидно, редактор тома Р. И. Косолапов), — другие консультанты помимо А. С. Чикобавы нам неизвестны; и, разумеется, ни он, и никто из грамотных языковедов не мог «подсказать» Сталину эту абсурдную идею.

Другое объяснение связывало «курско-орловский диалект» с простой оговоркой Сталина, происшедшей, предположительно, под влиянием названия одного из важнейших сражений Великой Отечественной войны — Курской битвы, или Битвы на Курской дуге. Вот как сформулирована эта версия одним из недавних учебников истории:

«Освобождение советского языкознания от пут марризма не обошлось без курьеза. В. В. Виноградов, готовивший материалы для сталинских статей о языкознании, увидел в “Правде” от 11 июля, что в объяснении происхождения русского языка допущена ошибка. Вместо того чтобы сказать, что русский язык произошел из курско-московского диалекта, написано: из курско-орловского (по аналогии с курско-орловской дугой). Виноградов позвонил Поскребышеву, сказал об ошибке. Тот ответил: “Раз товарищ Сталин написал про курско-орловский диалект, значит, из него теперь и будет происходить русский язык”»²⁵.

Этот короткий рассказ содержит несколько ошибок. Во-первых, «Ответ товарищам» был напечатан в «Правде» не 11 июля, а 2 августа. Во-вторых, как не-

²³ Хроникальные заметки // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 161.

²⁴ Сталин. Сочинения. Т. 16. С. 138.

²⁵ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. 3-е изд., расш. и перераб. М., 2010. С. 430.

однократно отмечалось многими историками языкознания, В. В. Виноградов не готовил материалы для статьи Сталина и тем более не писал эту статью за него²⁶ (вопреки тому, что пишут некоторые публицисты)²⁷. В-третьих, никакого «курско-московского диалекта», разумеется, не существует — эта химера целиком на совести историка А. И. Вдовина, который является, по-видимому, автором этой формулировки, растиражированной, к сожалению, в нескольких учебниках и монографиях²⁸. Ошибки и неточности делают эту (и без того не слишком правдоподобную) легенду еще более сомнительной.

Чисто умозрительным, хотя и небезынтересным, следует признать также объяснение Юлиана Семенова: «вспомнив Вознесенского, Кузнецова и всю эту ленинградскую группировку, он (= Сталин. — Л. К.) решил раз и навсегда *теоретически* отрезать Север России от ее “исконной” сущности. ...отныне лишь курско-орловская речь будет истинно русской, а она триста лет под игом страдала — с нею легче, с такими просто управляться; даже Иван Грозный не истребил до конца северный новгородский дух, а сколько веков прошло»²⁹.

Еще одна гипотеза, более серьезного характера, связывает «курско-орловский диалект» с высказыванием Максима Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г., где он как будто бы сказал, что «русская литература вся вышла из курско-орловских степей»³⁰.

²⁶ Вот, например, что пишет в своих воспоминаниях вдова В. В. Виноградова: «“Легенда” о том, что В.[иктор] В.[ладимирович] ... писал статью для Сталина, должна быть полностью уничтожена. В. В. никогда не видел Сталина и никогда ничего для него не писал. Он говорил, что было бы ему очень интересно побеседовать со Сталиным о языкознании, но что этого никогда в его жизни не произошло. Также и Чикобава, который задолго до окончания дискуссии уехал в Грузию, и ему статья Сталина, как и В. В., была “как снег на голову”. В. В. считал, что статью писал Сталин сам» (Из воспоминаний Н. Малышевой, вдовы академика В. В. Виноградова (публикация Б. А. Успенского) // Вестник Европы. 2010. Т. 38–39). На то же указывает в своей статье и В. А. Звегинцев: «...по уверениям самого А. С. Чикобавы... Сталин сам писал свою работу, эпизодически обращаясь к консультациям А. С. Чикобавы и внося в нее все новые и новые коррективы по мере развертывания дискуссии» (Звегинцев В. А. Что происходило в советской науке о языке? // Вестник АН СССР. 1989. № 12. С. 19). См. также Алпатов В. М. Новое учение о языке и общественная эволюция (в печати).

²⁷ Например, у Э. С. Радзинского читаем: «В то время вышли две его теоретические брошюры: “Марксизм и вопросы языкознания” и “Экономические проблемы социализма в СССР” ... Написал ли он сам эти две свои последние работы? Нет, задумав оба труда, он разрешил своим академикам поработать на него. Правда, и сам хорошо потрудились — не только переписал заново все от начала и до конца, но и добавил туда свои новые, потаенные мысли» (Радзинский Э. С. Сталин. М., 2001).

²⁸ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. М., 2010; Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013; Вдовин А. И. СССР. История великой державы, 1922–1991. М., 2018 (и многочисленные переиздания); Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. М., 2019; Щагин Э. М. и др. Новейшая отечественная история. XX — начало XXI века: учебник для студентов высших учебных заведений... Кн. 2. М., 2008.

²⁹ Семенов Ю. С. Отчаяние. М., 1990. Фантазией является, конечно же, предположение Ю. Семенова о том, что Сталин «дал указание секретариату предусмотреть включение этого пассажа (о курско-орловском диалекте. — Л. К.) в его ответ на письмо какого-нибудь национала» — «каким-нибудь националом» оказался ни много ни мало доктор филологических наук Г. Д. Санжеев!

³⁰ Из воспоминаний Н. Малышевой...

Мне не удалось найти этого утверждения в опубликованных выступлениях М. Горького на съезде. Здесь, по-видимому, допущена неточность: речь на самом деле идет о высказываниях Горького в нескольких его очерках, появившихся еще до Первого съезда писателей; см. ниже. Развернутый и более корректный вариант этой гипотезы принадлежит Ю. М. Лотману и опубликован в его статье³¹; о нем также рассказал в своем докладе на XVI Лотмановских чтениях в декабре 2008 г. Б. М. Гаспаров³². Согласно Лотману, теория курско-орловской прародины русской литературы восходит к И. А. Бунину, который в своем очерке 1926 г. «К воспоминаниям о Толстом» писал:

«Нет, это не Толстовские (особенности языка. — Л. К.), это наши общие особенности: особенности языка той сравнительно небольшой местности, самые дальние окружные точки которой суть Курск, Орел, Тула, Рязань и Воронеж. И разве не тем же языком пользовались чуть ли не все крупнейшие русские писатели?»³³

Лотман указывал, что именно эта бунинская идея легла в основу сходных высказываний Горького в его очерках, напечатанных несколько лет спустя — в частности, в очерке «О литературе», напечатанном в журнале «Наши достижения» за 1930, № 12:

«...старая наша литература была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской губерний»³⁴.

Об этом же, но несколько иными словами, Горький пишет во второй статье цикла «Беседы о ремесле» (впервые напечатана в журнале «Литературная учеба» за 1931 г.)³⁵.

По мнению Лотмана, именно эти горьковские высказывания породили, в конечном счете, загадочное утверждение о ведущей роли курско-орловского диалекта:

«Затем эта идея [о том, что «почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской губерний» (М. Горький)], смешавшись с военными впечатлениями от орловско-курского направления (1943 г.), дала основа-

³¹ Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 781. Литература и история. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1987. С. 183–184, примеч. 12 (в переиздании 1997 г. — с. 742, примеч. 1).

³² См. статью Б. М. Гаспарова в этом номере: Сталин и «курско-орловский диалект»: заметки на полях дискуссии // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2022. Вып. 72. С. 20–28; см. также: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка, 1964–1993 / сост. О. Кельберт; под ред. Б. А. Успенского. М., 2008. С. 333–334.

³³ Бунин И. А. [1926] К воспоминаниям о Толстом // Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. Портреты. Критика. Слово о Бунине. М., 2006. С. 11.

³⁴ Горький М. [1930] О литературе // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. М., 1953. С. 248.

³⁵ Горький М. [1931] Беседы о ремесле // Там же. С. 311. Заметим, впрочем, что ни в одной из горьковских цитат не упоминаются ни Курск, ни Курская губерния.

ние странной концепции о происхождении русского языка из никогда не существовавшего орловско-курского диалекта, концепции, доставшей лингвистам в свое время много затруднений»³⁶.

Эта версия, безусловно, заслуживает внимания. Вполне возможно, что эти суждения М. Горького, где бы и по какому поводу они ни высказывались, были известны Сталину и косвенным образом повлияли на ход его мыслей при написании ответа Санжееву. Тем не менее не вполне очевидно, достаточно ли высок был авторитет мнения Горького³⁷ для того, чтобы породить тезис о курско-орловском диалекте.

Загадка «курско-орловского диалекта» по сей день остается нерешенной. Исчерпывающего и во всех смыслах удовлетворительного объяснения нет и, возможно, — как это часто бывает с историей идей, в особенности в области гуманитарных знаний, — никогда не будет. Моя статья никоим образом не претендует на то, чтобы предложить исчерпывающее объяснение этой загадки. Моя цель гораздо скромнее: обратить внимание на некоторые обстоятельства и факты, которые помогут взглянуть на эту лингвистико-историографическую проблему в новом ракурсе и, возможно, несколько продвинуться к ее пониманию.

Прежде всего, зададимся вопросом: кто был главным авторитетом для Сталина в области языкознания? Известно, что его скромные лингвистические знания были почерпнуты из бесед с А. С. Чикобавой, а также из старого учебника Д. Н. Кудрявского³⁸. Нет необходимости доказывать, что Сталин не был знаком с работами ведущих славистов и русистов-диалектологов того времени — таких как Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский, репрессированных и расстрелянных в 30-е гг., или даже сравнительно благополучно пережившего все идеологические потрясения и занимавшего высокие административные должности Ф. П. Филина. Однако источник информации и научный авторитет в данном случае — совсем не одно и то же. Здесь уместно напомнить, что, в силу специфики условий и жанра участия Сталина в научных дискуссиях того времени, — и, в общем и целом, независимо от того, какая наука оказывалась в центре его внимания, — главным авторитетом для него должны были быть классики марксизма-ленинизма. Первоочередной его задачей было заручиться поддержкой великой триады: К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Однако Маркс и Ленин в данном случае мало чем могли помочь Сталину: их высказывания о языке и языкознании немногочисленны и малосущественны. Иное дело — Энгельс, который был хорошо знаком с вопросами и методами современного ему языкознания и даже являлся автором языковедческого сочинения «Франкский диалект» (“*Der fränkische Dialekt*”). Этот труд, фактически обширное примечание к работе Энгельса «К истории древних германцев», написанный в начале 80-х гг. XIX в., но опубликованный лишь в 1935 г. в СССР³⁹, должен был быть хорошо известен Сталину. Хотя мы и не находим в текстах Сталина прямых отсылок к работе Энгельса, есть целый ряд косвенных свидетельств,

³⁶ Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина... С. 183–184. Прим. 12.

³⁷ В частности, по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, в последние годы жизни Сталина Горький вызывал у него сильное раздражение.

³⁸ Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1912.

³⁹ Энгельс Ф. Франкский диалект. М.: Партиздат, 1935.

указывающих на ту значительную роль, которую, возможно, сыграла эта работа в формировании позиции Сталина в дискуссии 1950 г.

Во-первых, уже то обстоятельство, что Сталин недвусмысленно высказался в поддержку сравнительно-исторического языкознания⁴⁰, — той методологии, в рамках которой работал и Энгельс, — указывает на то, что этот труд Энгельса мог повлиять, среди прочих факторов, на позицию Сталина в споре марристов и антимарристов.

Во-вторых, тот факт, что Сталин обратился к вопросам диалектологии, пусть и в самом конце дискуссии, может косвенно свидетельствовать о том, что работа Энгельса должна была определенным образом отложиться в его сознании и участвовать в формировании его языковедческого дискурса. Идея о важной роли диалектологии в рамках марксистско-ленинского изучения вопросов языкознания могла присутствовать на заднем плане его сознания, и письмо Санжеева оказалось удобным поводом обратиться к этой теме.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Хотя Энгельс писал, в строгом смысле слова, не о диалекте (или диалектах), которые легли в основу немецкого литературного языка⁴¹, можно предположить, что сам факт обращения одного из классиков марксизма-ленинизма к определенному диалекту (или группе диалектов) должен был свидетельствовать в понимании Сталина, по крайней мере, о значительной роли этого диалекта в истории формирования немецкого национального языка⁴².

Наконец, еще один важный момент, на который следует обратить внимание, — несовпадение франкского диалекта с диалектом или диалектами столичного региона (Берлина).

Резюмируя сказанное выше о возможном влиянии статьи Энгельса на сталинские тексты по языкознанию, можно попытаться предложить своего рода

⁴⁰ «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как “идеалистический”. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов» (Сталин. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 20 июня 1950 года, цит. по: Сталин. Сочинения. Т. 16. С. 123). Как известно, именно это сталинское высказывание ознаменовало восстановление в правах сравнительно-исторического языкознания в официальной советской науке.

⁴¹ Как известно, в истории немецкого языка эту роль играл главным образом верхнесаксонский диалект, распространенный на юго-востоке германских земель — район Лейпцига, Майсена, Дрездена.

⁴² Существует, впрочем, по меньшей мере, один фрагмент, где Энгельс говорит о носителях франкского диалекта, употребляя выражение “Hauptstamm” («основное племя»): “...so ist damit auch anerkannt, dass die Franken nicht ein, durch äussere Umstände verbündeter Mischmasch verschiedener Stämme, sondern ein eigner deutscher Hauptstamm, die Iskävonen waren...” («...тем самым признано и то, что франки не представляли собой простой смеси различных племен, объединенных в союз под влиянием внешних обстоятельств, были самостоятельным основным германским племенем, искомонами...») — Энгельс. Указ. соч. С. 26—29. Не исключено, что этот термин мог укрепить Сталина в мысли о том, что франкский диалект сыграл одну из центральных ролей (а возможно, и ведущую роль) в формировании немецкого литературного («национального») языка.

реконструкцию хода мысли Сталина или, точнее, идей, которые могли сформироваться на основе знакомства (возможно, даже достаточно поверхностного) с работой Энгельса и лечь в основу диалектологического экскурса Сталина:

(i) Сравнительно-исторический метод, если и не является единственно верной теорией и методологией в языкознании, то, во всяком случае, уместен в рамках марксистско-ленинского подхода.

(ii) Вопросы диалектологии и, в частности, диалектная основа литературного («национального») языка относятся к важнейшим проблемам языкознания.

(iii) Литературный («национальный») язык далеко не всегда формируется на основе столичного диалекта или диалектов (применительно к России можно, очевидно, говорить о двух столичных регионах: московском и петербургском/ленинградском).

Прежде чем перейти к заключительной части статьи, необходимо сказать несколько слов о том, почему статья Сталина не содержит прямых ссылок на работу Энгельса, о существовании которой Сталин, разумеется, не мог не знать. Этому обстоятельству, как кажется, есть достаточно простое объяснение. В то время как Маркс и Ленин сохраняли статус непогрешимых, Энгельс был наиболее уязвим в триаде классиков. Известно, что некоторые его работы вызывали у Сталина сильнейшее раздражение; так, перед самой войной журнал «Большевик» напечатал короткую заметку Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”»⁴³, содержащую резкую критику некоторых геополитических взглядов Энгельса⁴⁴. Еще один текст Сталина, содержащий критические высказывания в адрес Энгельса, — неопубликованное письмо членам Политбюро, Адоратскому, Кнорину, Стецкому, Зиновьеву, Поспелову от 5 августа 1934 г.⁴⁵ Представляется, что именно негативное отношение Сталина к Энгельсу могло повлиять на окончательный отбор ссылок в его статье о языкознании, обусловив отсутствие прямого упоминания работы Энгельса.

Мы как будто бы сделали несколько маленьких шагов к решению загадки «курско-орловского диалекта». Однако по-прежнему остается открытым вопрос: почему Курск и Орел? Почему не Тула, Рязань или, скажем, Воронеж? Не со-

⁴³ Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. Май. № 9. С. 1–5. Приведу несколько характерных цитат из этой заметки, свидетельствующих о негативном отношении Сталина к статье Энгельса: «...считают, что статья эта может быть рассматриваема как руководящая или, во всяком случае, глубоко поучительная для наших партийных работников с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн. Но статья Энгельса, как видно из ее содержания, несмотря на ее достоинства, не обладает, к сожалению, этими качествами. Более того, она **имеет ряд таких недостатков, которые, если она будет опубликована без критических замечаний, могут запутать читателя**»; «...в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, **упущен один важный момент**, сыгравший потом решающую роль, а именно — момент империалистической борьбы за колонии»; «Я думаю, что это упущение составляет **главный недостаток статьи Энгельса. Из этого недостатка вытекают остальные недостатки**, из коих не мешало бы отметить следующее...» (выделено мной. — Л. К.).

⁴⁴ См., например: Романовский Н. В. Сталин и Энгельс: забытый эпизод кануна Великой Отечественной // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 44–49.

⁴⁵ Рос. гос. архив соц.-полит. истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 950. Л. 87–89.

держит ли работа Энгельса какой-то ключ, какую-то информацию, которая могла бы подтолкнуть Сталина к гипотезе о «курско-орловской прародине»?

Чтобы сделать последний шаг к возможной разгадке, проделаем несложный картографический фокус.

Возьмем карту Германии и отметим на ней область распространения франкских диалектов (особо выделив их центральную подгруппу, занимающую территорию, приблизительно ограниченную Кёльном, Касселем, Франкфуртом и Триром); см. ил. 1.

Выделим на карте европейской части России/РСФСР Курскую и Орловскую области; см. ил. 2.

Увеличим масштаб первой карты, так чтобы Германия покрывала площадь сопоставимую с площадью европейской части России.

Теперь наложим вторую карту на первую. Удивительным образом Курская и Орловская области на второй карте хорошо проецируются на центральную часть территории распространения франкских диалектов! И Курская с Орловской области⁴⁶, и центральная подгруппа франкских диалектов занимают центрально-юго-западную часть соответствующих территорий (соответственно, европейской части РСФСР и Германии).

Не в этом ли ключ к разгадке возникновения «курско-орловского диалекта»? Не возник ли «курско-орловский диалект» как результат такой проекции?⁴⁷

Можно ли считать предложенное выше объяснение окончательным решением загадки «курско-орловского диалекта»? По-видимому, нет. Может стать-

Ил. 1. Карта распространения франкских диалектов

Ил. 2. Карта европейской части РСФСР

⁴⁶ Относительно соотношения современных границ Курской и Орловской областей с несколько отличными от них границами на 1950 г. см. подробнее в разделе «Хроника» в этом выпуске: Обсуждение доклада Л. И. Куликова «Сталин и «курско-орловский диалект»: К истории одной лингвистической загадки» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2022. Вып. 72. С. 155.

⁴⁷ Нет необходимости доказывать, что карты обеих стран, России (в особенности в ее европейской части) и Германии, были прекрасно знакомы Сталину. Сталин любил и хорошо знал географические карты: об этом есть многочисленные свидетельства (см., например, Гусляров Е. Н. Сталин в жизни: систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М., 2003. С. 446–448). В особенности после четырех лет войны с Германией Сталин должен был представлять обе карты до мельчайших подробностей, так что для того, чтобы проделать описанный выше картографический трюк, ему, скорее всего, даже не надо было заглядывать в атлас.

ся, что, как уже говорилось выше, полного ответа на этот вопрос мы никогда не узнаем. Тем не менее, как мне кажется, предложенный новый взгляд на эту проблему немного продвигает нас к ее решению и помогает сделать еще один шаг к пониманию и воссозданию того исторического контекста и той исторической мозаики, которые послужили фоном для появления на свет загадочного «курско-орловского диалекта».

Список литературы

- Аванесов Р. И. Вопросы развития языка и диалектов в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М.: Молодая гвардия, 1951. (Научно-популярная лекция).
- Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2. С. 47–70.
- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. (2-е изд., доп. М.: УРСС, 2004).
- Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3–15.
- Алпатов В. М. «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина: ответы на письма читателей // Культура и искусство. 2011. № 5. С. 48–53.
- Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271–288.
- Алпатов В. М. Относительно марксизма в языкознании // Культура и искусство. 2011. № 4. С. 53–65.
- Алпатов В. М. Сталин о языкознании: причины и последствия его выступления 1950 года // Культура и искусство. 2011. № 6. С. 41–46.
- Алпатов В. М. Новое учение о языке и общественная эволюция: сборник / под ред. М. Д. Бухарина (в печати).
- Андреев А. Энгельс // Молодой Ленинград / под ред. А. Прокофьева. Сб. 1. Л.: Молодая гвардия, 1948. С. 13–14.
- Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России, 1917–2009. 3-е изд., расш. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2010.
- Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
- Бунин И. А. К воспоминаниям о Толстом // Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 10: Портреты. Критика. Слово о Бунине. С. 10–12.
- Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010.
- Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013.
- Вдовин А. И. СССР. История великой державы, 1922–1991. М.: Проспект, 2018 [и переиздания].
- Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. М.: Проспект, 2019.
- Гаспаров Б. М. Сталин и «курско-орловский диалект»: заметки на полях дискуссии // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2022. Вып. 72. С. 20–28.
- Горький М. О литературе // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. Т. 25: Статьи, речи, приветствия, 1929–1931. С. 248–262.
- Горький М. Беседы о ремесле // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. Т. 25: Статьи, речи, приветствия, 1929–1931. С. 291–359.
- Гусляров Е. Н. Сталин в жизни: систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

- Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 3–40.
- Звегинцев В. А. Что происходило в советской науке о языке? // Вестник АН СССР. 1989. № 12. С. 11–28.
- Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). [Москва, 1976] // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хо-рошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–383.
- Ионенко И. М. Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 88–100.
- Котков С. И. К изучению орловских говоров. Орел: изд-во «Орловская правда», 1952. (Ученые записки Орловского педагогического института. Кафедра русского языка; Т. 7. Вып. 3).
- Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология: Учебник для учительских институтов. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1954.
- Левин В. Д. Некоторые вопросы истории русского языка в связи с историей народа // Русский язык в школе. 1952. № 3. С. 13–23.
- Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: (к проблеме «Бунин и Достоевский») // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1987. Вып. 781: Литература и история. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. С. 34–52 [перепечатано в кн.: Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Алек-сандра, 1993. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 172–184; Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПб., 1997].
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка, 1964–1993 / сост. О. Кельберт; под ред. Б. А. Успенского. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- [Малышева-Виноградова Н. М.] Из воспоминаний Н. Малышевой, вдовы академика В. В. Виноградова / публ. Б. А. Успенского // Вестник Европы. 2010. Т. 28/29. С. 216–238.
- Радзинский Э. С. Сталин. М.: Вагриус, 2001 [и др. издания].
- Романовский Н. В. Сталин и Энгельс: забытый эпизод кануна Великой Отечественной // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 44–49.
- Семенов Ю. С. Отчаяние. М.: ДЭМ, 1990.
- Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе рус-ского общенародного языка // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 3–10.
- Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. Май (№ 9). С. 1–5.
- Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.
- Сталин И. В. Ответ товарищам // Правда. 1950. 2 августа.
- Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Гос. изд-во политической литерату-ры, 1950 [и многочисленные переиздания в 50-е гг. XX в.].
- Сталин И. В. Сочинения / под общей ред. Р. И. Косолапова. М.: Писатель, 1997. Т. 16.
- Трубачев О. И. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
- Филин Ф. П. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение).
- Хроникальные заметки // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 155–163.
- Энгельс Ф. Франкский диалект. М.: Партиздат, 1935.
- Щагин Э. М. и др. Новейшая отечественная история. XX - начало XXI века: учебник для студентов высших учебных заведений... Кн. 2. М.: ВЛАДОС, 2008.

STALIN AND THE DIALECT OF THE KURSK-OREL REGION: NOTES ON THE HISTORY OF A LINGUISTIC ENIGMA

L. KULIKOV

Abstract: This paper briefly outlines the historical and cultural context of the linguistic discussion about Marxism in linguistics that took place in Soviet Union in 1950; the materials of the discussion were published in the main Soviet newspaper, “Pravda”. I describe the reaction of the academic community to the (undoubtedly incorrect) Stalin’s statement that the Kursk-Orel dialect formed the basis of the Russian national language. This reaction mostly amounted to ritual quotations of this Stalin’s claim (without detailed argumentation) in the publications on Russian language and dialectology by Soviet Slavists that appeared in the 1950s. I discuss proposed explanations for the emergence of the “Kursk-Orel dialect” theory, in particular, Yu. M. Lotman’s hypothesis about the influence of Maxim Gorky’s statements on the origin of classical Russian literature as well as other, more speculative, assumptions. I demonstrate the unsatisfactory character of the proposed explanations and put forward a new hypothesis, which draws attention to the possible influence of F. Engels’ work “The Franconian dialect”.

Keywords: I. V. Stalin, linguistics, linguistic discussion, N. Ja. Marr, Japhetic, Marxism, Russian studies, Kursk-Orel dialect, dialectology, Yu. M. Lotman, F. Engels, German.

References

- Alpatov V. (1991) *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm*. Moscow (in Russian).
 Alpatov V. (1993) “Marr, marrizm i stalinizm”. *Filosofskie issledovaniia*, 1993, no. 4, pp. 271–288 (in Russian).
 Alpatov V. (2006) “Aktual’no li uchenie Marra?” *Voprosy iazykoznanii*, 2006, no. 1, pp. 3–15 (in Russian).
 Alpatov V. (2011) “‘Marksizm i voprosy iazykoznanii I. V. Stalina: otvety na pis’ma chitatelei”. *Kul’tura i iskusstvo*, no. 5, pp. 48–53 (in Russian).
 Alpatov V. (2011) “Otnositel’no marksizma v iazykoznanii”. *Kul’tura i iskusstvo*, no. 4, pp. 53–65 (in Russian).
 Alpatov V. (2011) “Stalin o iazykoznanii: prichiny i posledstviia ego vystupleniia 1950 goda”. *Kul’tura i iskusstvo*, no. 6, pp. 41–46 (in Russian).

- Andreev A. (1948) “Engel’s”, in A. Prokof’ev (ed.) *Molodoi Leningrad*, Leningrad, vol. 1, pp. 13–14 (in Russian).
- Avanesov R. (1953) “K voprosam obrazovaniia russkogo natsional’nogo iazyka”. *Voprosy iazykoznaviia*, no. 2, pp. 47–70 (in Russian).
- Avanesov R. (1951) *Voprosy razvitiia iazyka i dialektov v svete trudov I. V. Stalina po iazykoznaviia*. Moscow (in Russian).
- Barsenkov A., Vdovin A. (2010) *Istoriia Rossii, 1917–2009*, 3rd ed., Moscow (in Russian).
- Bernshtein S. (2002) *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*, ed. by V. N. Toporov. Moscow (in Russian).
- Filin F. (1954) *Proiskhozhdenie i razvitie russkogo iazyka*. Leningrad (in Russian).
- Gasparov B. (2022) “Stalin i ‘Kursko-Orlovskii dialekt’: zametki na poliakh diskussii”. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologii*, 2022, vol. 72, pp. 20–28.
- Gusliarov E. (2003) *Stalin v zhizni: sistematizirovannyi svod vospominanii sovremennikov, dokumentov epokhi, versii istorikov*. Moscow (in Russian).
- Ionenko I. (1952) “Ob istoricheskikh usloviakh prevrashcheniia kursko-orlovskogo dialekta v osnovu russkogo natsional’nogo iazyka”. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 88–100 (in Russian).
- Kotkov S. (1952) *K izucheniiu orlovskikh govorov in Orlovskaiia Pravda. Uchenye zapiski Orlovskogo pedagogicheskogo instituta. Kafedra russkogo iazyka*, vol. 7/3 (in Russian).
- Kuznetsov P. (1954) *Russkaia dialektologii*, 2nd ed. Moscow (in Russian).
- Levin V. (1952) “Nekotorye voprosy istorii russkogo iazyka v sviazi s istoriei naroda”. *Russkii iazyk v shkole*, no. 3, pp. 13–23 (in Russian).
- [Malysheva-Vinogradova N.] (2010) “Iz vospominanii N. Malyshevoi, vdovy akademika V. V. Vinogradova”, ed. B. A. Uspenskii. *Vestnik Evropy*, vol. 28/29, pp. 216–238 (in Russian).
- Romanovskii N. (2005) “Stalin i Engel’s: zabytyi epizod kanuna Velikoi Otechestvennoi”. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 44–49 (in Russian).
- Shchagin È. M. et al. *Noveishaia otechestvennaia istoriia. XX — nachalo XXI veka: uchebnik dlja studentov vysshikh uchebnykh zavedenii...* Kn. 2. Moscow, 2008.
- “Sostoianie razrabotki i zadachi dal’neishego izucheniia voprosa o dialektnoi osnove russkogo obshchenarodnogo iazyka” (1958) *Voprosy iazykoznaviia*, no. 5, pp. 3–10 (in Russian).
- Vdovin A. (2010) *Podlinnaia istoriia russkikh. XX vek*. Moscow (in Russian).
- Vdovin A. (2013) *Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda*. Moscow (in Russian).
- Vdovin A. (2018) *SSSR. Istoriia velikoj derzhavy, 1922–1991*. Moscow (in Russian).
- Vdovin A. (2019) *Russkaia naciia v XX veke*. Moscow (in Russian).
- Zimin A. (2015) “Khram nauki (Razmyshleniia o prozhitom). [Moskva, 1976]”, in A. L. Khoro-shkevich (ed.) *Sud’by tvorcheskogo naslediia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka*, Moscow, pp. 35–383 (in Russian).
- Zvegintsev V. (1989) “Chto proiskhodilo v sovetskoj nauke o iazyke?” *Vestnik Akademii Nauk*, no. 12, pp. 11–28 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 11.07.2022

The article was submitted 11.07.2022